

ВЕСТНИК

РУССКОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ
АКАДЕМИИ

2009

ТОМ 10

ВЫПУСК 4

*Издается
с 1997 г.*

Научный журнал

*Выходит
4 раза в год*

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург

Журнал является научным изданием
Русской христианской гуманитарной академии.
Издается с 1997 г. С 2009 г. выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Д. В. Шмонин

Зам. главного редактора

А. А. Ермичёв

Редакционная коллегия:

Е. Г. Андреева, Д. К. Бурлака, Т. В. Ермакова, К. Е. Нетужилов,
П. Ю. Нешитов (*отв. секретарь редколлегии*), О. Е. Иванов,
М. В. Руднева, Р. В. Светлов, Т. Ф. Фадеева, А. А. Хлевов

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.
2009. Том 10. Вып. 4.— СПб.: Изд-во РХГА, 2009.
ISSN 1819-2777

Печатается при финансовой поддержке
Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Шугуров М. В. Научная рациональность и христианская мистика: от дивергенции к диалогу (Заключение)	7
Фёдоров А. А. Концепции будущего религии в социально-гуманитарной мысли XIX–XXI веков: проблематика и опыт классификации	24
Петрунин В. В. Проблема идеального государства в свете социальной концепции русского православия	37
Хромцова М. Ю. Коммуникативные теории о различных аспектах религиозного диалога	43

ФИЛОСОФИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Хоружий С. С. Богословие — исихазм — антропология	57
Сапронов П. А. Понятие первоначала в перспективе ничто	70

К 410-летию «Ratio studiorum»

Шмонин Д. В. Regulae professoribus, или как иезуиты учили философии.	84
--	----

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

К выступлению профессора В. Н. Сагатовского

Муравьёв А. Н. О философии, философах и философской задаче нашего времени	100
Ермичёв А. А. О «русскости» русской философии: в ответ В. Н. Сагатовскому	110
Ломоносов А. Г. О «недоразумении» русского философствования (К полемике В. Н. Сагатовского и А. Н. Муравьева)	119

К 125-летию Ф. А. Степуна

Степун Ф. А. Два отрывка из книги «Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма» (Вступительная заметка и примечания А. А. Ермичева)	129
Соболев А. В. Федор Степун: от кантианства к славянофильству	141
Гергилов Р. Е. Ф. А. Степун в Дрездене. Первые годы в эмиграции	149
Кантор В. К. Ф. А. Степун: анализ большевизма и национал-социализма (с приложением двух писем Степуна Н. А. Бердяеву)	156

Из архива русской мысли

О. Андрей Уфимский. О радостях митрополита Сергия (Предисловие и комментарии С. Л. Фирсова)	174
Из переписки А. Р. Беляева и К. Э. Циолковского. К особенностям русского космизма	202

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Довгополова О. А.</i> Истина, толерантность и диалог в современной культуре.....	208
<i>Волкова Е. И.</i> Новый русский религиозный роман-2006: между антиутопией и агиографией.....	218
<i>Николаева Ю. А.</i> Образы слез в романтических произведениях М. Ю. Лермонтова	229

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<i>Дробышев В. Н.</i> Заметки о выступлении С. С. Хоружего «Философия Кьеркегора как антропология размыкания».....	236
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К истории Религиозно-философских обществ в России (Н. Г. Филиппенко. Киевское Религиозно-философское общество (1908–1919). Очерк истории . Киев, 2009) (А. А. Ермичѳв).....	240
Туровцев Т. А. Творение и преображение. СПб., 2008 (<i>Ю. Ю. Печурчик</i>)	243
Наши авторы	246
Аннотации	248

В. К. Кантор

Ф. А. СТЕПУН: АНАЛИЗ БОЛЬШЕВИЗМА
И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА*
(С ПРИЛОЖЕНИЕМ ДВУХ ПИСЕМ СТЕПУНА Н. А. БЕРДЯЕВУ)

Настоящий писатель, мыслитель всегда находится в ситуации *находимости-вненаходимости*. Иными словами, он видит жизнь *изнутри*, но одновременно как бы *извне*. Это *извне* дается либо происхождением из иной культуры (как у Гоголя), негритянским предком (как у Пушкина), образованием (как у всех дворянских писателей), каким-либо поворотом судьбы, каторгой, к примеру (как у Достоевского или Шаламова). Оно обостряется эмиграцией. Это состояние души рождает у пишущего то *бинокулярное зрение*, которое дает объемность и рельефность изображаемому. Только настоящий художник обладает таким зрением. Им обладал знаменитый эмигрант, русский философ и писатель Федор Августович Степун (1884–1965). На его многосторонность не раз обращали внимание его недруги, друзья и коллеги. В юбилейной речи о Степуне великий филолог Д. И. Чижевский заметил, что многосторонность Степуна часто представляется постоянной сменной ролей и физиономий. Но Степун во всех своих ролях всегда остается самим собою. Поэтому, как утверждал Чижевский, «в разносторонности или многообразии обликов Степуна нет внутренней двойственности или разрыва. <...> Многие почитатели Степуна прежде всего ощущают двойственность его русского и немецкого существа: немцам он представляется типично русским, очень многим русским (несмотря даже на его православие) — «совершенным немцем». Но и здесь у Степуна нет внутреннего противоречия и именно его двойная «национальная принадлежность» делает его несравнимым посредником между русской и немецкой культурой»¹.

Стоит обратить на его происхождение, которое во многом предопределило траекторию его биографии. «Мой отец,— писал Степун,— <...> был выходцем из Восточной Пруссии, где Степуны (исконное начертание этой старо-литовской

* Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0041 «Подготовка к печати корпуса писем выдающегося русского философа-эмигранта Ф. А. Степуна» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

¹ Чижевский Д. И. Речь о Степуне. К его 80-летию // Д. И. Чижевский. Т. I. Материалы у биографии (1894–1977). М.: Библиотека-фонд «Русской зарубежье» — Русский путь, 2007.— С. 826–827.

фамилии Степунесы, то есть Степановы) с незапамятных времен владели большими земельными угодьями между Тильзитом и Мемелем»². Как видим, по крови, по происхождению Степун был немцем. Но родился в России и рос как русский ребенок, хоть и с немецкими корнями. Правда, позднее он не без иронии замечал, что прусское происхождение его семьи уже было не совсем немецким: «Вся истинная, то есть юго-западная Германия <...> не считает пруссаков за настоящих немцев, что они чуть ли не наполовину славяне»³. Таким образом сам Степун подчеркивал свое изначальное двумирье, позволявшее ему пристально и без патетической восторженности подойти к обеим культурам.

Поэтому биография его и удивительна, и поучительна. Немец по крови родившийся в России, учившийся в Гейдельберге у Виндельбанда, основатель направления неозападничества в России, один из основателей и издателей международного (прежде всего российско-немецкого) журнала по философии культуры «Логос», русский артиллерийский прапорщик, сражавшийся на германском фронте и написавший об этом блестящие очерки («Из записок прапорщика-артиллериста»), начальник политуправления армии при Временном правительстве, поначалу уцелевший и ставший театральным режиссером, а затем все же изгнанный большевиками из России в 1922 г. С этого момента и до самой смерти — житель Германии, равно не принимавший коммунизм и нацизм (нацисты запретили ему преподавать за проповедь «жидо-русофильских взглядов»), и страстный, как говорили в старину, *пропагатор* на Западе русской культуры и философии. Не забудем и того, что в 20-е и 30-е годы он активный участник двух самых знаменитых журналов русского зарубежья — «Современные записки» и «Новый град» (он был и соиздателем последнего вместе с И. Бунаковым-Фондаминским и Г. Федотовым).

До последнего десятилетия Степун был больше известен в Германии, нежели в России. Философ и писатель, он одинаково блистательно писал на обоих языках. Основные философские книги второй половины жизни изданы по-немецки. Немцы ставили его в ряд с весьма значительными западными мыслителями — П. Тиллихом, М. Бубером, Р. Гвардини. Но основная его тема — Россия, ее духовные достижения и трагическая судьба. Немцы признавали его как своего, но одновременно он был для Германии символом свободной русской мысли. Он принадлежал тому культурно-историческому типу людей (Пушкин, Тургенев, Вл. Соловьев, Бунин, Милюков, Вейдле), которые в научной литературе именуются **русскими европейцами**, где прилагательное не менее важно, чем существительное.

Разумеется, тип этот был уже распространен в русской культуре: отсчет можно вести от Пушкина, вспомнить и Чаадаева, и Тургенева, и Чехова, очень много людей этого типа оказалось в эмиграции — как забыть Бунина, Милюкова, Федотова, Вейдле!.. Но в их любимой Европе наступал на демократию фашизм. В передовой статье первого номера «Нового Града» (1931) Федотов писал: «Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы — прежде всего свободы духа»⁴.

² Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. В 2-х т. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1990.— Т. I.— С. 49.

³ Там же. С. 50.

⁴ Федотов Г. П. Новый Град // Федотов Г. П. Россия, Европа и мы.— Paris. YMKA-PRESS. 1973.— С. 136, 137, 139. (Соиздателями журнала были И. Бунаков-Фондаминский, Ф. Степун и Г. Федотов).

На что они рассчитывали? Только на одно: выстоять, остаться верными себе и своей идее. Голос их не был слышен — ни в Европе, ни тем более в России. Но теперь мы можем его услышать. Приведу одно соображение Степуна: «Я определенно и до конца отклоняю всякую *идеократию* коммунистического, фашистского, расистского или евразийского толка; то есть всякое насильствование народной жизни. <...> Я глубоко убежден, что „идейно выдыхающийся“ сейчас демократический парламентаризм Европы все же таит в себе более глубокую идею, чем пресловутая идеократия. Пусть современный западно-европейский парламентаризм представляет собою *вырождение свободы*, пусть современный буржуазный демократизм все больше и больше скатывается к мещанству. Идущий ему на смену идеократизм много хуже, ибо представляет собою *народждение насилия* и явно тяготеет к большевицкому сатанизму»⁵. Но как пришел этот сатанизм? Откуда он?

При отказе от рации, от разума, «сознательно стремясь к синтезу, русская мысль бессознательно двигалась в направлении к хаосу и, сама хаотичная, ввергала в него, поскольку ею владела, и всю остальную культуру России»⁶. Поэтому борьба за философию стала для Степуна борьбой за русскую культуру, в конечном счете — за Россию, ибо он опасался, что русская философия окажется не защитой от хаоса, а тем самым «слабым звеном», ухватившись за которое можно ввергнуть всю страну в «преисподнюю небытия»⁷. Слова Ленина о России как «слабом звене» в европейской (в его терминологии — капиталистической) системе — не случайны. К этой теме мы еще вернемся, пока же стоит показать, какое лекарство предлагал Степун. Выученик неокантианцев, пытавшихся преодолеть почвенничество и этатизм немецкой философии, он, разумеется, заявил о необходимости для русской мысли школы Канта: «Если, с одной стороны, есть доля правды в том, что кантианством жить нельзя, то, с другой стороны, такая же правда и в том, что и без Канта жизнь невозможна (конечно, только в том случае, если мы согласимся с тем, что *жить* означает для философа не просто жить, но *жить мыслию*, то есть *мыслить*). Если верно то, что в кантианстве нет откровения, то ведь верно и то, что у Канта гениальная логическая совесть. А можно ли верить в откровение, которое в принципе отрицает совесть? Что же представляет собою совесть, как не *минимум откровения*? Рано или поздно, но жажда откровения, принципиально враждующая с совестью, должна неизбежно привести к откровенной логической бессовестности, то есть к уничтожению всякой философии»⁸.

Надо сказать, это был явный период неприятия Канта в русской, особенно *православно* и в духе *российского марксизма* ориентированной философии. В «Философии свободы» (1911) ставший православным мыслителем бывший марксист Бердяев грубо недвусмыслен: «Гениальный образец чисто полицейской философии дал Кант»⁹. В своих мемуарах Степун выразил оставшееся, видимо,

⁵ Степун Федор. Мысли о России. Очерк X. Демократия и идеократия; буржуазная и социалистическая структура сознания; марксистская идеология как вырождение социалистической идеи; религиозная тема социализма и национально-религиозное бытие России // Степун Ф. А. Сочинения / Составление, вступительная статья, примечания и библиография В. К. Кантора.— М.: РОССПЭН, 2000.— С. 354 (курсив Ф. Степуна).

⁶ Там же. С. 791.

⁷ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IV // Там же. С. 248.

⁸ Степун Федор. Прошлое и будущее славянофильства // Там же. С. 834 (курсив Ф. Степуна).

⁹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества.— М.: Правда, 1989.— С. 19.

в нем сквозь годы удивление от превращения кантианства в полицейскую функцию и называл это самоуправством Бердяева. В. Ф. Эрн (как и Бердяев автор православно-славянофильского издательства «Путь»), отвечая на редакционно-программную статью «Логоса», просто называл Канта высшим выразителем «меонизма»¹⁰ (то есть тяги к небытию) западной мысли и культуры. А «сердечный друг» Эрн П. А. Флоренский вполне богословски-академически тем не менее резко противопоставил Канта Богопознанию: «Вспомним тот „Столп Злобы Богопротивная“, на котором почивает антирелигиозная мысль нашего времени. <...> Конечно, вы догадываетесь, что имеется в виду Кант»¹¹. В конце концов не этатист Гегель, а отстаивавший самоцельность человеческой личности Кант был объявлен православной философией идеологом немецкого милитаризма (в статье В. Ф. Эрн «От Канта к Круппу»). На самом деле отказ от идей рационализма вел к оправданию язычества, как, по словам Бердяева, *весьма важной составляющей православной церкви*, что «приняла в себя всю великую правду язычества — землю и реалистическое чувство земли»¹². Не случайно В. И. Ленин, откровенный враг христианства и идеолог «неоязычества» (С. Булгаков), в эти годы столь же категорически требовал («Материализм и эмпириокритицизм», 1909) «отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»¹³.

Оценивая эпоху двух революций, когда разрушение России происходило под прикрытием социалистических и марксистских тезисов, Степун был убежден, что дело не в пришедших с Запада идеях: «По целому ряду сложных причин заболевшая революцией Россия действительно часто поминала в бреду Маркса; но когда люди, мнящие себя врачами, бессильно суетясь у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово науки, то становится как-то и смешно, и страшно»¹⁴.

В стране взяли власть большевики. И возобладали под видом рационализма абсолютная иррациональность жизни: «С первых же дней их (большевиков — В. К.) воцарения в России все начинает двоиться и жить какою-то особенной, химерической жизнью. Требование мира вводится в армию как подготовка к гражданской войне. Под маской братания с врагом ведется явное подстрекательство к избиению своих офицеров. Страстная борьба против смертной казни сочетается с полной внутренней готовностью на ее применение. <...> Всюду и везде явный дьяволизм.

¹⁰ «Ratio в своем последовательном завоевании европейской мысли приводит таким образом к пышному, яркому расцвету универсального *меонизма*. Этот расцветший в Беркли и Юме меонизм принципиально и окончательно закрепляется в трансцендентализме Канта» (Эрн В. Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности. // Эрн В. Ф. Сочинения.— М.: Правда, 1991.— С. 77–78).

¹¹ Флоренский П. А. Разум и диалектика. // Флоренский П. А. Соч. В 4-х т.— Т. 2.— М., 1996.— С. 135.

¹² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 34.

¹³ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 18. С. 138.

¹⁴ Степун Ф. Мысли о России. Очерк VI (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики) // Степун Ф. А. Сочинения. С. 283.

Учредительное собрание собирается в целях его разгона; в Бресте прекращается война, но не заключается мира; капиталистический котел снова затапливается в „нэпе“, но только для того, как писал Ленин, чтобы доварить в нем классовое сознание недоваренного пролетариата»¹⁵. Именно о подобной двойной системе политического и культурного сознания впоследствии писал Дж. Оруэлл («1984»). Интересно, что Степун, боевой офицер, прошедший всю германскую, очевидный противник большевиков, видный деятель Временного правительства, не ушел в Добровольческую армию или еще куда-то бороться с «дьяволизмом». Но именно потому и не ушел на борьбу (в страхе смерти его не упрекнуть), что увидел не случайную победу враждебной политической партии, а сущностный срыв всего народа, которому большевики лишь потворствовали да который провоцировали: «Большевизм совсем не большевики, но нечто гораздо более сложное и прежде всего гораздо более *свое*, чем они. Было ясно, что большевизм — это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. Это русские «мозги набекрень» и «исповедь горячего сердца вверх пятами»; это исконное русское «ничего не хочу и ничего не желаю», это дикое «улюлюканье» наших борзятников, но и культурный нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискательство героев Достоевского. Было ясно, что большевизм — одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь [, но] и ее преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма. Вооруженная борьба против них всегда казалась бессмысленной — и бесцельной, ибо дело было все время не в них, но в <...> **стихии русского безудержа**»¹⁶.

Кто же мог руководить этим безудержем? Кто был вождь, фюрер? Очевидно тот, кто принял эту стихию, использовал ее в своих интересах. О вожде революции, о Ленине Степун замечал: «Как прирожденный вождь он инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, будучи человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов. В отличие от других деятелей революции, он сразу же овладел ее верховным догматом — догматом о тождестве разрушения и созидания и сразу же постиг, что важнее сегодня, кое-как, начерно, исполнить требование революционной толпы, чем отложить дело на завтра, хотя бы в целях наиболее правильного разрешения вопроса. На этом внутреннем понимании зудящего «невтерпеж» и окончательного «сокрушай» русской революционной темы он и вырос в ту страшную фигуру, которая в свое время с такой силою надежд и проклятий приковала к себе глаза всего мира»¹⁷.

Вот это восстание масс требовало не идей, не мысли, а **власти идеи**, той, которая может быть переварена массой. Массы требовали господства идеи, которая

¹⁵ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IV // Степун Ф. А. Сочинения. С. 249–250.

¹⁶ Степун Ф. Мысли о России. Очерк I // Степун Ф. А. Сочинения. С. 205 (Курсив Ф. Степуна, выделено мной.— В. К.).

¹⁷ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IX // Степун Ф. А. Сочинения. С. 342. Интересно, как эту зависимость Ленина от массы ощутил Андрей Платонов в романе «Чевенгур», где один из персонажей так рассуждает: «Что я тебе масса, что ли? — обиделся Чепурный. — Ленин и то знать про коммунизм не должен, потому что это дело сразу всего пролетариата, а не в одиночку... Умней пролетариата быть не привыкнешь...».

становится верой, идеократией. Они ее и получили — в России и в Германии. В России идеократическую идею дал массам Ленин, как впоследствии ее дал такой же водитель масс в Германии — Гитлер.

* * *

В мае 1922 г. в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». В 2003 г. в журнале «Отечественные архивы» (№ 1. С. 65–96) была подготовлена подборка материалов, из которой видно, насколько тщательно Политбюро и ВЧК готовили систему высылки и подбирали имена высылаемых, давая на каждого подробную характеристику. Так в «Постановлении Политбюро ЦК РКП (б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов» от 10 августа 1922 г. Степун, попавший в дополнительный список, характеризовался следующим образом: «7. Степун Федор Августович. Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярым, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] «Воля народа». Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем. Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. За границей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал «Логос». Сотрудник издательства «Берег». Характеристика дана литературной комиссией. Тов. Середа за высылку. Тт. Богданов и Семашко против»¹⁸. Замечательно понято, что в эмиграции он может оказаться серьезным противником. А чуть позже (23 августа) он оказался восьмым номером в «Списке не арестованных»¹⁹. Это выглядит еще более страшным, чем список арестованных. Человек живет, ходит, думает, а его дни уже расчислены. Ситуация трагического черного юмора тоталитарной эпохи. Как у Высоцкого: «Но свыше — с вышек — все предрешено: / Там у стрелков мы дергались в прицеле — / Умора просто, до чего смешно» («Был побег *на рывок*»). Существенно отметить, что высылаемые страстно не хотели покидать Родину. По недавно опубликованным архивам ВЧК можно увидеть их однозначно негативное отношение к эмиграции.

Итак, из протокола допроса Ф. А. Степуна от 22 сентября 1922 г.: «К эмиграции отношусь отрицательно. И больная жена мне жена, но французскому доктору, который ее лечит, она никогда не жена. Эмиграция, не пережившая революцию дома, лишила себя возможности действительного участия в воссоздании духовной России»²⁰. Можно сослаться и на более поздние свидетельства, например, Бердяева: «Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была очень странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне

¹⁸ «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. Публикацию подготовил А. Н. Артизов // Отечественные архивы. 2003. № 1. С.

¹⁹ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. — М.: Русский путь, 2005. — С. 110.

²⁰ Там же. С. 337.

сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом. Я не думал, что изгнание мое продлится 25 лет»²¹. Здесь очень точно указано, что дело было не в политических причинах, а в идеологических. Большевики словно бы испугались на какой-то момент чуждых идей, еще сохраняя иллюзию, что сами победили силой идеи, хотя опирались на самом деле не только на идею, а на разбуженные ими первобытные инстинкты масс, на разрешение «грабить награбленное».

Вернемся, однако, к оценке чекистами «идеологического облика» Степуна. Заключение СО ГПУ в отношении Ф. А. Степуна от 30 сентября 1922 г.: «С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР»²².

Интересно здесь, что сами чекисты называют Октябрьскую революцию «октябрьским переворотом», но еще интереснее, как этот текст совпадает с доносом на Степуна в нацистской Германии. Как и большевики, нацисты терпели его ровно 5 лет своего режима, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен бы был переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя, прежде всего, должно было ожидать, что как профессор Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи как и к значению расового вопроса, точно также и по отношению к еврейскому вопросу, в частности, важного для критики большевизма»²³.

Они были изгнаны из России в Германию по договоренности с германским министерством иностранных дел, с которым у большевиков были тайные связи. Вряд ли изгнанники думали об этом, но они очень хотели передать свой невероятный для начала XX века духовный опыт приютившей их стране. Стоит привести слова, которыми С. Франк завершил свою книгу «Крушение кумиров»: «Великая мировая смута нашего времени совершается все же не даром, есть не мучительное топтание человечества на одном месте, не бессмысленное нагромождение бесцельных зверств, мерзостей и страданий. Это есть тяжкий путь чистилища, проходимый современным человечеством; и может быть, не будет сомнением вера, что мы, русские, побывавшие уже в глубинах ада, вкусившие, как никто, все

²¹ Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга. 1991. С. 241.

²² Высылка вместо расстрела. С. 338.

²³ Treiber Hubert — Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). Über Freundschaft- und Spatburgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850–1950. Opladen, Wesdeutscher Verlag GmbH. 1995. S. 98.

горькие плоды поклонения мерзости Вавилонской, первыми пройдем через это чистилище и поможем и другим найти путь к духовному воскресенью»²⁴. Беда была в том, что никто не хотел их слушать. Они не искали доходов и денег, нищая жизнь, скажем, Франка слишком известна²⁵, они хотели быть востребованными как мыслители и своего рода «спецы». Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма.

* * *

«Пребывание на чужбине оправдывается только борьбой за родину»²⁶. — писал Степун. Но эта борьба была связана с предупреждением Европе: *такое же может произойти и здесь*.

Надо сказать, что и в Европе Степун продолжал свою критику большевизма. К этому он призывал и других изгнанников. Скажем, своему гениальному современнику и тоже изгнаннику он пенял («Современные записки», 1925. Кн. 24): «Если Н. А. Бердяев действительно думает, что коммунизм гораздо хуже гуманистической демократии, то он, по-моему, нравственно обязан в борьбе между этими двумя силами стоять на стороне последней. Ведь нельзя же в самом деле в борьбе между врачом и смертью быть со смертью против врача на том основании, что смерть онтологичнее, глубже медицины, что смерть священна, а наука только гуманна. Не ясно ли, что ощущать правду и смысл победы смерти над врачом имеет право лишь тот, кто до конца боролся всеми доступными ему средствами за сохранение жизни ближнего. Отчетливое признание этой присущей нравственному сознанию антиномии совершенно неизбежно, чтобы от ощущения сакральности смерти и профанности науки не дойти до предпочтения палача врачу и от ощущения метафизичности коммунизма и меоничности всякой политики до предпочтения коммунистической „сатанократии“ всякому другому гуманистическому строю»²⁷. Это был ответ на идеи Бердяева, прозвучавшие в эмиграции²⁸: «Эта внешняя общественность и есть та фантазмагория, которую признают за единственную реальность жизни. Тот объявляется стоящим вне жизни, кто не погружен в эту фантазмагорию. Утверждать, что можно и должно „сделать“ революцию против большевиков, есть злоупотребление

²⁴ Франк С. Л. Крушение кумиров // Франк С. Л. Сочинения. — М.: Правда, 1990. — С. 180.

²⁵ Сын Франка вспоминал: «Свои лучшие труды он создал именно на чужбине, в труднейших бытовых условиях и, большею частью, в полном духовном одиночестве» (Франк В. С. Семен Людвигович Франк. 1877–1950 // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. — Мюнхен, 1954. — С. 3).

²⁶ Степун Ф. А. Родина, отечество и чужбина // Новый журнал. Нью-Йорк. 1955. Кн. 43. http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/ste/pun.htm

²⁷ Степун Ф. Степун Ф. По поводу письма Н. А. Бердяева // Степун Ф. А. Сочинения. С. 855.

²⁸ Надо сказать, их связывали достаточно близкие отношения. Степун к концу жизни написал о Бердяеве большую работу (на русском языке опубликована ее часть: «Учение Н. А. Бердяева о познании», где он по-прежнему пеняет Бердяеву по поводу его отношения к Канту: «Учение Николая Бердяева о познании — это сознательный отказ от западноевропейской гносеологии, особенно от Канта» (Н. А. Бердяев: pro et contra. (Издание подготовил А. А. Ермичёв). Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994. С. 483). При этом философы не только полемизировали, но и состояли и в личной, вполне деловой и дружелюбной, переписке. См. в приложении письма Степуна Бердяеву.

словами и самообман. Большевизм и есть квинтэссенция мирового революционного движения, предельное его выражение. Революция именно к этому ведет, а не к тому прекрасному, о чем мечтали»²⁹. И хотя Бердяев далее говорит, что в большевистской России «действует последнее зло», он тем не менее не принимает демократии, ибо «в демократиях нет свободы духа и что демократии обычно означают ослабление и умаление духа и духовной жизни»³⁰. Проблемы эти обсуждались русскими эмигрантами, пересекая границы, становились темами бесед всей русской зарубежной мысли. Вот отрывок из письма Степуна (от 8 июня 1925 г.) Вяч. Иванову, жившему уже в Италии: «Проповедь аполитизма, которою занимается Николай Александрович Бердяев, по-моему, также глубоко неверна, потому что на территории политики разрешаются сейчас величайшие вопросы русской жизни: бегство от политики представляется мне потому не только политическим, но и нравственным дезертирством. Так и прихожу я к своим скучным демократическим убеждениям»³¹.

Степуну нравилось, что большевизм Бердяев выводил не из марксизма, а искал его корни в русской истории и культуре. Но, надо сказать, что год спустя после смерти философа, в 1949 г., Степуну вспомнилось, что антитезу Гитлеру в какой-то момент Бердяев искал в большевизме: «Постепенный переход теоретического объяснения большевизма в его практическое оправдание у Бердяева становится заметным с появлением Гитлера. У меня такое впечатление сложилось при последнем посещении Кламара во время бурного разговора об отношении коммунизма к национал-социализму, в котором особенно активно участвовал один очень образованный и красноречивый русский, приверженец Гитлера. Ненависть Бердяева к новоявленному национал-социалистическому безумию, в мгновение ока придуманному одним-единственным человеком, была так велика, что сотворенное коллективное безумие большевизма с его противоречивым происхождением от христианского коммунизма и маккиавелизма, от царской деспотии и бакунинской революционной мистики показались ему аристократией духа»³². В этой же статье, доверяя непроверенным слухам, которые, однако, подтверждали его сложившееся мнение о философе, Степун писал, что Бердяев «обменял документ Лиги Наций, удостоверяющий личность, на советский паспорт»³³. За это непроверенное утверждение Степуну пришлось вскоре извиняться перед свояченицей Бердяева Е. Ю. Рапп: «Мою ошибку,— писал он в 1950 г.,— в которой я, однако, не повинен, так как мне многие, даже и близкие Н. А. люди говорили, что он принял советский паспорт, я с удовольствием исправлю...»³⁴.

И дело было не только в политической окраске их споров, а в глубинной метафизике затрагиваемых через политику проблем человеческого бытия. Эти споры русских

²⁹ Бердяев Николай. В защиту христианской свободы (*Письмо в редакцию*) // Современные записки.— Париж. 1925.— № 24.— С. 291.

³⁰ Там же. С. 293, 294.

³¹ Иванов — Степун (избранная переписка). *Подготовка текста А. Шишкина, комментарии К. Хуфена и А. Шишкина* // Символ. Журнал христианской культуры. 2008. № 53–54. С. 416.

³² Степун Ф. А. Николай Бердяев // Степун Ф. А. *Портреты (сост. и послесловие А. А. Ермичёва)*.— СПб.: РХГИ, 1999.— С. 280.

³³ Там же. С. 281.

³⁴ Цит. по: Гаман Л. А. Некоторые аспекты концепции советской истории Н. А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. 2008.— № 310.— Май.— С. 71.

мыслителей находились на самом острие не только русских, но и европейских проблем, где демократия и вправду тоже испытывала кризис. Интересно, что, пройдя как Данте сквозь ад, русские мыслители чувствовали себя взрослее своих вчерашних учителей, даже в интонации их рассуждений о Германии чувствуется отныне некая снисходительность взрослых по отношению к детям. Германия стала другой. Профессор Степун рассказывал это студентам. Разумеется, долго так продолжаться не могло.

Но, прежде чем Степуном занялись нацисты, он вполне четко отнесся к нацизму и к Германии. Конечно, сначала он не думал еще о наступавшем на Германию новом движении, которое многие сравнивали с большевизмом, а многие видели в нем защиту от «советизации» немецкого государства. Его волновали проблемы покинутой им России, бытовые проблемы, воспоминания о прошлом, а также налаживание контактов с эмигрантскими журналами и издательствами. И первое, что его насторожило, — несоответствие его представлениям о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и тогдашней европейской реальности. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: — изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, «русские европейцы», очевидно, любили её только как прекрасный пейзаж в своём «Петровом окне»; ушел родной подоконник из-под локтей — ушло очарование пейзажа»³⁵. Цикл своих статей «Мысли о России» он печатал в парижских «Современных записках», журнале, в котором он издал и свой роман «Николай Переслегин». Германия, как видел он, в растерянности.

Он слишком хорошо видел, как Германия иным путем, но скатывается туда же, куда уже скатилась Россия, по его выражению «в преисподнюю небытия». В 1931 г. он писал своему другу Густаву Кульману³⁶: «При помощи теории Ничше и Бахофена, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается, как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ничше и Илловайского, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли»³⁷. Он видел и писал, что обе идеократии пытаются разрушить христианство,

³⁵ Степун Ф. Мысли о России. Очерк III // Степун Ф. А. Сочинения. С. 219.

³⁶ Густав Густавович Кульман (1896–1961), швейцарец, родившийся в Голландии, учился в Йельском университете. Юрист по профессии, поклонник русской культуры, он встречал русских философов, высланных «на философском пароходе», помогал в их трудоустройстве, один из создателей и соредкторов (вместе с Бердяевым) журнала «Путь», работал в «Имка-пресс», с 1931 г. работал в международных организациях по интеллектуальному сотрудничеству. С 1938 г.— заместитель Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, потом при ООН, занимался делами перемещенных лиц (DP), помогал еврейским беженцам, его именем назван один из кибуцев в Израиле. Степун был его многолетним другом, начиная с 20-х гг.

³⁷ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

создавшее когда-то европейскую культуру. Только непонятно, что страшнее для христианства. Он фиксирует это различие: «Государственная власть России вскрывает раки с мощами, налаживает скоморошьи потехи вокруг алтарей, взрывает церкви, расстреливает священников; а государственная национально-социалистическая партия Германии развешивает по церквам флаги со свастикой, полупринудительно насаждает „коричневое, солдатское христианство“ и проповедует Христа как арийца, восставшего против еврейского закона Моисея»³⁸.

В эти годы он становится для русской эмиграции признанным *консультантом по Германии*. В «Современных записках» и «Новом Граде» он написал несколько статей, специально посвященных немецким проблемам³⁹, не считая постоянных и привычных для него сопоставлений немецкой и российской мысли. Проблемы Германии не могли не волновать изгнанную из своей страны русскую интеллигенцию. Слишком много общего с большевизмом находили эмигранты в поднимавшемся национал-социализме. Правда, не все. Изгнанный нацистами в 1934 г. из Германии русский эмигрант Иван Ильин в 1933 г. пытался нацизм оправдать, как антитезу большевизму: «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе»⁴⁰. Он писал: «Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем росказням „очевидцев“, всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую перекличку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту перекличку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор»⁴¹. Надо сказать о советофильстве Германии 20-х гг. писал не раз и Степун. Но в отличие от Ильина он слишком много схожего с большевизмом находил в нацизме. Позиция Ильина была неприемлема для него по многим причинам. И первую он выговорил отчетливо и повторял не раз: «С занятой мною точки зрения освобождение родины хотя бы и вооруженной рукой дружественного государства надо считать лишь в принципе допустимым, фактически же всегда и очень опасным и маложелательным. Не революционное минирование своей родины и не подготовка интервенций является поэтому главной задачей эмиграции, а защита России перед лицом Европы и сохранение образа русской культуры. К сожалению, старая русская эмиграция успешно исполнила лишь эту вторую задачу. Нет сомнения, что все созданное ею в научной, философской и художественной сфере со временем весьма ценным вкладом прочно войдет в духовную жизнь пореволюционной России»⁴². Более того, Рос-

³⁸ Степун Ф. Христианство и политика // Степун Ф. А. Сочинения. С. 399.

³⁹ Германия // Современные записки. 1930. Кн. 42. С. 413–427; Письмо из Германии. Формы немецкого советофильства // Современные записки. 1930. Кн. 44. С. 448–463. (Подп. — Николай Луганов); Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Современные записки. Париж. 1931. Кн. 45 (XLV). С. 446–474. (Подп.: Николай Луганов) и др.

⁴⁰ Ильин И. А. Национал-социализм. Новый дух. I. // Возрождение, Париж 1933, 17 мая. <http://iljinru.tsygankov.ru/works/voizr170533.html>

⁴¹ Там же.

⁴² Степун Ф. А. Родина, отечество и чужбина // Новый журнал. Нью-Йорк. 1955. Кн. 43. http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/ste/pun.htm

сия и Германия, полагал он, слишком тесно сплелись в этих двух революциях — от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным. Степун заметил, что и сами нацисты видят эту близость. Он фиксирует идеи Геббельса о том, что «Советская Россия самую судьбою намечена в союзницы Германии в ее страстной борьбе с дьявольским смрадом разлагающегося Запада. Кратчайший путь национал-социализма в царство свободы ведет через Советскую Россию, в которой «еврейское учение Карла Маркса» уже давно принесено в жертву красному империализму, новой форме исконного русского «панславизма»⁴³.

Содержание *немецких статей* Степуна самое простое: обзоры современной немецкой литературы (о Ремарке, Юнгере, Ренне и т. п.), анализ политических событий (выборы президента и т. п.). Стоит остановиться на позиции гениального Эрнста Юнгера, выдающегося представителя так называемой «консервативной революции», пришедшего к концу 30-х гг. к конфликту с нацистским государством, но до этого по сути дела создавшего (не он один, конечно) метафизику национал-социалистического государства. Уже в 1923 г. он писал о грядущей националистической революции: «Ее идея — идея почвенническая (*völkisch*), заточенная до невиданной прежде остроты, ее знамя свастика, ее политическое выражение — сконцентрированная в одной точке воля, диктатура! Она заменит слово делом, чернила — кровью, пустые фразы — жертвами, перо — мечом»⁴⁴. В 1927 г. он соглашается с Гитлером, что «сама национал-социалистическая идея должна приобрести такую глубину и такое значение, чтобы только она и никакая другая была признана в качестве германской идеи»⁴⁵. И, наконец, в 1929 г. формулировка Юнгера приобретает окончательную завершенность: «Национализм, поскольку он подразумевает *политическое* решение, стремится к созданию национального, социального, вооруженного и авторитарного государства всех немцев»⁴⁶. Страсть и энергия, как видим, фантастические. Поскольку Юнгер на корню отвергал возражения «либеральных еврейских публицистов», как чуждых на корню почвенному «германскому духу», то возражения, возразить ему должен был немец.

И немец Степун, прошедший опыт русской революции, отмечая, что в текстах Юнгера он имеет дело с «глубокими и честными страницами»⁴⁷, тем не менее уже в 1930 г. выстраивает систему весьма серьезных возражений. Он констатирует позицию Юнгера, который «пророчествует о том, что мы только еще вступаем в эпоху небывалых жестокостей, и, забыв о кресте, восторженно призываем к мечу, который правдивее и миролюбивее... трусости. Его последние слова — родина и жертвоприношение»⁴⁸. И возражает: «В этих мыслях Юнгера таится темный соблазн. Корень в трагическом непонимании того, что для осуществления религиозного подвига, именуемого жертвоприношением, мало приносимого в жертву

⁴³ Степун Ф. Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Степун Ф. А. Сочинения. С. 890.

⁴⁴ Юнгер Эрнст. Революция и идея // Юнгер Эрнст. Националистическая революция / Перевод, составление и комментарий и послесловие А. В. Михайловского. М.: Скименъ, 2008. С. 10.

⁴⁵ Юнгер Эрнст. Национализм и национал-социализм // Юнгер Эрнст. Там же. С. 117.

⁴⁶ Юнгер Эрнст. «Национализм» и национализм // Юнгер Эрнст. Там же. С. 164.

⁴⁷ Степун Ф. Германия // Степун Ф. А. Сочинения. С. 873.

⁴⁸ Там же.

существа и алтаря; что необходима еще и живая вера в Бога. Родина может быть алтарем, на котором мы приносим себя в жертву Богу.. Но она не может быть Богом. Утверждение родины в достоинстве Бога равносильно отрицанию Его, а тем самым превращению алтаря не только в простой стол, но, что гораздо хуже, в ту плаху, которою обыкновенно кончают исповедники религии патриотизма. Возможность такого превращения, такого национал-социалистического коммунизма наизнанку явно чувствуется в книге Юнгера»⁴⁹.

Отсюда идет второй смысл его немецких статей — сравнение двух стран с такой похожей судьбой: слабость демократии, вождизм, умелая спекуляция тоталитарных партий на трудностях военной и послевоенной разрухи. И, прежде всего отказ от рационализма и подыгрывание иррациональным инстинктам масс: «Как всегда бывает в катастрофические эпохи, в катастрофические для Германии послевоенные годы стали отовсюду собираться, подыматься и *требовать выхода в реальную жизнь иррациональные глубины народной души* (курсив мой.— В. К.). Углубилась, осложнилась, но и затуманилась религиозная жизнь. Богословская мысль выдвинулась на первое место, философия забогословствовала, отказавшись от своих критических позиций»⁵⁰. Переключка с предреволюционной российской ситуацией очевидна. Более того, именно здесь видит он близость фюрера немецкой революции вождю русской, оба они сильны как выразители настроений масс: «Гитлеровские речи, не производящие в чтении никакого впечатления, решительно гипнотизировали массу. Достигал Гитлер такого влияния своею исключительною медиумичностью. Его речи захватывали массы потому, что обращаясь к массам, он отдавался им, не боясь ни хаоса, ни бойни. Эта демагогическая самоотдача не была для него однако ложью: ведь историю делают личности; задача же массы — вынести вождя на то место, с которого он сможет начать свой творческий путь»⁵¹. Надо сказать, что к власти Гитлер, в отличие от Ленина, пришел вроде бы демократическим путем. Но об отношении народа к демократии в XX в. замечательно сказал русский эмигрант и большой писатель Марк Алданов: «Демократической идее, однако, придется пережить тяжелое время: она, по-видимому, пришла в некоторое противоречие сама с собой. Опыт показал, что ничто так не чуждо массам, как уважение к чужому праву, к чужой мысли, к чужой свободе»⁵². Строчки эти были написаны до гитлеровского вхождения во власть, но, по сути дела, предсказали эту возможность.

Степун в начале тридцатых уже вполне серьезно относится к нацистам, более того, публикует в «Современных записках» и «Новом граде» ряд статей, посвященных этой проблеме. В 1931 г. он так оценивал выборы 14 сентября: «Без учета того факта, что национал-социалисты шли в бой с твердою верою в непоколебимую верность своей идеи, с „лютой“ (grimmig) решимостью во что бы то ни стало победить и с повышенным чувством мессианских задач грядущего немецкого

⁴⁹ Степун Ф. Германия // Степун Ф. А. Сочинения. С. 873.

⁵⁰ Степун Ф. Германия «проснулась» // Степун Ф. А. Сочинения. С. 484.

⁵¹ Степун Ф. А. Письма из Германии (Национал-социалисты) // Степун Ф. А. Сочинения. С. 899.

⁵² Алданов Марк. Армагеддон // Алданов Марк. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М.: НПК «ИНТЕЛВАК», 2006. С. 85.

государства, их головокружительный успех необъясним»⁵³. Победа нового движения уже близится. И здесь каждый выбирал свою позицию. Когда Карл Ясперс написал свою книгу «Вопрос о виновности», он там говорил о виновности тех, кто жил в Германии во время нацизма, но не желал знать о его преступлениях. Для Ясперса это незнание было равно соучастию в преступлениях нацизма. Для Степуна противостояние нацизму интеллектуала определялось двумя понятиями: вера в Бога и верность подлинной философии.

Замечая, что, несмотря на самообольщение молодых национал-социалистов о возврате страны в Средневековье (христианское по своей сути), на самом деле Германия прыгнула в новое варварство, Степун пишет, что *идеократический монтаж Гитлера* с утверждением свастики вместо креста, германской крови вместо крови крестной, ненавистью к немецкой классической философии родился не в немецкой голове: «Существует преданье, что, когда древние германцы крестились, они высовывали из реки руку, в кулаке которой был зажат меч, дабы эта рука осталась не крещенной. Не подлежит никакому сомнению, что мирозозерцание Гитлера родилось не в немецкой голове, а в некрещеном германском кулаке»⁵⁴.

Наконец, его позиция вызвала то, что должна была вызвать — возмущение нацистских чиновников от образования, на него поступил донос, и он был изгнан из Дрезденской Высшей Технической школы. Сам он так откомментировал свое изгнание в письме к Кульману: «В школе весь семестр шли неприятности, которые к концу завершились моим удалением в отставку. Удален я внешне по весьма приличному параграфу, гласящему «об упрощении управления», но за этим нейтральным термином кроются другие мотивы, выяснившиеся в моей переписке с министерством. Был я уволен в сущности по двум мотивам. Во-первых, за христианский антирасизм, во-вторых, за русскость, не позволяющего меня рубрицировать как «заграничного немца», вернее, как члена заграничной немецкой колонии»⁵⁵. Жизнь его стала не очень предсказуемой, что он и сам понимал, замечая в письме к тому же адресату: «Ты сам лучше меня знаешь, что жизнь в Германии для такого человека, как я, вызывает ощущение пациента, у которого на рту лежит маска с хлороформом. Дышать трудно, предчувствуешь операцию и спрашиваешь себя по Кирке Гаардт, что это кризис — к смерти или к избавлению»⁵⁶.

Он действительно выжил чудом. Имел все предпосылки погибнуть от нацистов, но не погиб. Потом в день, когда англичане свирепо разбомбили Дрезден, не щадя мирных жителей, дом Степуна был полностью уничтожен, там погибли его архивы и годами собиравшаяся им библиотека. Но он и его жена в эти дни были за городом — и уцелели. Катастрофа была серьезная, но «любимец Фортуны», как иногда называли Степуна, в эти годы написал свои шедевр — свои мемуары, рукопись была с ним, и тоже уцелела. Но одновременно с этой страшной бомбардировкой стало понятно, что война подходит к концу, а вместе с этим приходит конец нацизму.

⁵³ Степун Ф. Письма из Германии (Национал-социалисты) // Степун Ф. А. Сочинения. С. 886.

⁵⁴ Степун Ф. Там же. С. 900.

⁵⁵ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

⁵⁶ Там же.

Позиция Степуна была оценена в новой Германии. Он получает кафедру в Мюнхене⁵⁷, куда переезжает с женой, где живет до конца своих дней. В 1952 г. он писал Борису Вышеславцеву, тоже эмигранту, по совету которого он когда-то поехал в Гейдельберг: «Что сказать о себе? Как и все мы всё потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессию по истории русской культуры (Russische Geistesgeschichte). Этим летом исполняется уже два года моей мюнхенской деятельности. Интерес к России очень велик. Меня слушают около 250 человек. Студенчество гораздо серьезнее, чем то, с которым я имел дело в Дрездене. Два католических патера пишут у меня докторские работы. Предложений публичных лекций не оберешься. В предстоящем летнем семестре я опять читаю во Франкфурте, Гейдельберге, Тюбингене, Штуттгарте и Гейльбронне. Могу сказать, что если бы не перспектива возможной войны и необходимого в связи с ней бегства отсюда, то мы были бы своей жизнью вполне довольны. Правда, я лично не верю ни в то, что война безусловно неизбежна, ни тем паче в то, что мы стоим накануне ее. Но все же и при моем неверии нет безусловной веры в то, что все обойдется благополучно»⁵⁸. Из этого письма уже видно, что Германия, наконец, оценила своего великого сына. Ибо он был в такой же степени и немецким писателем, как и русским.

Его восьмидесятилетний юбилей был фантастическим. Сотни писем, поздравлений, чествования в разных учреждениях Мюнхена, статьи в газетах. Через год в 1965 г. он скончался, скончался легко. В траурном извещении, разосланном его сестрой друзьям и коллегам покойного, говорилось: «23 февраля 1965 нас навсегда неожиданно оставил **Проф. Др. Федор Степун**, родившийся 19 февраля 1884 в Москве. От лица его родственников и друзей — **МАРГА СТЕПУН** (сестра Ф. А. Степуна. — В. К.). Погребение: пятница 26 февраля 1965 в 13.00 на Северном кладбище (Nordfriedhof). Мы просим венки посылать прямо на (Северное кладбище) Нордфридхоф»⁵⁹.

И снова некрологи, обширные статьи в газетах и журналах. На стене дома, где он жил, по улице Ainmillerstrasse 30, установлена мемориальная доска. Его книги на немецком языке переиздаются. Как мыслитель и писатель Степун остался в Германии, которую он так любил, за которую болел всем сердцем, но дух его, его тексты вернулись в не менее, если не более, им любимую Россию.

⁵⁷ Стоит привести еще один небольшой отрывок из юбилейной речи о Степуне Д. И. Чижевского: «К концу войны враждебный Степуну огненный элемент превратил в развалины его город — Дрезден. Степун спасся почти случайно — во время одной поездки ему после небольшого „несчастливого случая“, оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жизни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы и празднуем его 80-летний юбилей» (Чижевский Д. И. Речь о Степуне. К его 80-летию. С. 828).

⁵⁸ Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.

⁵⁹ Архив университетской библиотеки г. Айхштетт. NL. 46, I. Лист 147. К сожалению, сохранилось только место его могилы, на котором захоронен теперь совсем другой человек, поскольку по местным законам могила, не поддерживаемая финансово, передается, или продается, другим владельцам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Федор Степун*

Письма Бердяеву**

1.

Dresden, 17 ноября 1928 г.

Дорогой Николай Александрович,

Вы правы, что мы очень приблизились друг к другу; причем в самом главном не Вы приблизились ко мне, а я, конечно, к Вам. У меня пропал интерес к объективной гносеологии и вкус к субъективной метафизике. Чисто научный интерес мой все больше склоняется к истории, а метафизический — к религии. Из всего этого следует, что я не чувствую никаких затруднений писать в «Пути»⁶⁰. Большое спасибо за Ваше приглашение. Пока я очень занят, но к февралю, думаю, будет посвободнее. Тогда, быть может, смогу написать о духовных течениях в современной Германии⁶¹. Протестантское богословие, по-моему, очень интересно, но церковной жизни нет никакой. Конгресс протестантского духовенства произвел на меня ужасное впечатление, но конгресс народных учителей был религиозно очень интересен.

Я очень рад, что Вы пишете вторую статью для «Современных записок»⁶². Очень хотелось бы углубленной встречи между «Вами и нами».

Передайте, пожалуйста, Евгении Юдифьевне⁶³, что я весьма чувствую свою вину перед нею: не ответил на ее письмо и на повторную просьбу похлопотать за «Грасс»⁶⁴. Боюсь, что редакция рассказ все же забаллотировала. Хотя я лично и высказался за него, я все же понимаю, что он с чисто редакционной точки зрения для нас не слишком подходящ. Наша редакционная «ставка» с одной стороны — творчество маститых мастеров, с другой — открытие молодых талантов. Ни под ту, ни под другую категорию «Грасс» не подходит. Это очень интересная зарисовка

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке научного фонда ГУ-ВШЭ (грант № 09-01-0041)

** Columbia University Libraries. Bakhmeteff Arkhive. Ms Coll Berdiaev. Stepun, Fedor Avgustovich. To Nikolaj Alexandrovich Berdiaev.

⁶⁰ За два года до этого письма Степун написал довольно резкую статью: Об общественно-политических путях «Пути» // *Современные записки*. Париж. 1926. Кн. 29. С. 442–448. И, очевидно, возник вопрос о том, приемлемо ли для него сотрудничество в «Пути».

⁶¹ Все статьи на эти темы он опубликовал в начале 30-х годов в журнале «Современные записки». См. Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 865–920.

⁶² Первая статья Бердяева в «Современных Записках» была опубликована в 1925 г.: Бердяев Николай. В защиту христианской свободы (*Письмо в редакцию*) // *Современные Записки*. 1925. № 24. С. 285–303.

⁶³ Евгения Юдифовна Рапп (1875–1961) — свояченица Бердяева, которая вела его дом.

⁶⁴ Рассказ Евгении Юдифовны Рапп. Сведениями о его публикации не располагаем.

очень сложного душевного процесса, но это в сущности не рассказ, совсем не беллетристика и не совсем искусство. По получении письма Евгении Юдифьевны я вторично писал в Париж с просьбой скорее порешить судьбу рассказа.

Надеюсь, что Ваше здоровье улучшается. Вам и всем Вашим от нас обоих самый душевный привет⁶⁵.

Искренне Ваш Ф. Степун.

2.

Dresden, 9-го сент. 1931 г.

Дорогой Николай Александрович,

я очень виноват перед Вами — до сих пор не поблагодарил Вас за приглашение сотрудничать во франц<узском> журнале⁶⁶. Принося запоздалую благодарность прошу Вас в свободную минуту написать мне, какую из моих статей Вы считали бы наиболее пригодной для перевода. Я написал кроме известных Вам статей еще не очень большую, но густую статью о религиозном смысле русской революции для⁶⁷ «Orient'a и Occident'a», которую Lieb⁶⁸ очень хвалил. Боюсь Вас затруднять, но если бы из этих моих статей, что Вы читали, ни одна не показалась бы Вам подходящей, я мог бы выслать еще и эту. Присланные мне тезисы не дают точного представления об облике журнала. Они говорят о направлении, но мне не ясен стиль писаний. Вероятно, это моя вина: — я имею лишь слабое представление о перечисленных сотрудниках. Редакцию я тоже еще не поблагодарил, но сделаю это на днях.

Оттиски своей статьи⁶⁹ получил — спасибо Вам за них. К сожалению, в статье есть ряд опечаток, и что хуже, в первой части ряд тяжеловесностей. Если бы я успел просмотреть корректуру, я бы улучшил статью. Свою рукопись прочесть объективно невозможно. Я вижу написанное мною только в печати. Но знаю, опять таки вина моя, — поздно выслал статью.

В заключение еще вопрос. Могу ли я рассчитывать на получение гонорара (мы с Вами об этом не договаривались), и когда контора «Пути» сможет его выслать.

⁶⁵ Имеется в виду сам Степун и его жена Наталья Николаевна (урожденная Никольская; 1886–1961).

⁶⁶ Скорее всего речь идет о журнале «Меркюр де Франс»

⁶⁷ Речь идет о статье Степуна: Der religiöse Sinn der russischen Revolution // Orient und Occident. 1932. Н. 9. S. 9–21.

⁶⁸ Имеется в виду швейцарский протестантский теолог Фриц Либ (1892–1970). Был близок и с Бердяевым, и Степуном. Профессор в Бонне (1930–1933). После прихода к власти нацистов был выслан из Германии, с 1937 — профессор в Базеле.

⁶⁹ Статья Степуна: Религиозный социализм и христианство // Путь. 1931. № 29. С. 20–48.

Если это возможно, поторопите пожалуйста высылку. Наши дела внезапно очень ухудшились. Жалованье сократили на 33%, студент тоже перестал платить, а налогами прямо таки душат. Я же уклада своей жизни сразу изменить не могу, так как всюду закабален Ratensahlung⁷⁰ами.

Вам и всем Вашим сердечный привет от нас обоих.

Читаю Ваше назначение человека⁷¹. Мне кажется, это одна из самых концентрированных и удачных Ваших книг.

Искренне Ваш Ф. Степун

⁷⁰ Очевидно, описка Степуна. Нужно Ratenzahlung (f), что означает — уплата в рассрочку, отдельными взносами и т. п.

⁷¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. На эту книгу сразу откликнулся статьей «О назначении человека и о путях философа» (Путь, 1931. Дек. № 31. С. 53–69) о. Иоанн, архиепископ Сан-Францисский и Западно-американский (тогда еще иеромонах, в миру — князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989). Бердяев в том же номере ответил статьей «О гордости смиренных» (С. 70–75).